
Предисловие

Книга «Главный противник» является первой полной историей драматического тайного противоборства ЦРУ и КГБ на заключительном этапе холодной войны, когда рухнула Берлинская стена и Советский Союз «взорвался внутрь». Работа представляет собой хронику основных шпионских баталий между ЦРУ и КГБ начиная с критического 1985 года, получившего название «год шпиона», и вплоть до коллапса Советского Союза, как они виделись самим участникам этих событий.

Это история карьеры и жизни поколения разведчиков, вышедшего на авансцену после Кубинского ракетного кризиса. К моменту прихода к власти в 80-х годах Рональда Рейгана и Михаила Горбачёва эти люди занимали ключевые посты в ЦРУ и КГБ и оказались в эпицентре исторических перемен. С тех пор многие участники холодной войны вернулись к мирной жизни. Но им, как и их отцам, ветеранам битв в Нормандии и Сталинграде, есть что вспомнить.

Книга «Главный противник» – результат уникального эксперимента. Два человека – ветеран ЦРУ и журналист – объединили свои усилия, чтобы написать захватывающую и в то же время доступную историю, которую каждый из них в отдельности написать бы не смог. Это была действительно совместная работа, но авторы строго придерживались согласованного между ними разделения труда, чтобы соблюсти требования, которые ЦРУ предъявляет к своим бывшим сотрудникам. В соответствии с этими правилами Милт Бирден до публикации представил свою часть рукописи на просмотр в ЦРУ и по просьбе этого ведомства внес некоторые коррективы. Это редактирование было незначительным и не сказалось на содержании книги.

Джеймс Райзен свою часть рукописи в ЦРУ не представлял. Для создания у читателя цельного впечатления Милт Бирден на протяжении всей книги ведет рассказ от первого лица, даже в тех главах, которые были написаны Райзенем.

В основу книги положены сотни интервью, проведенных авторами на протяжении трех лет с десятками работников ЦРУ и КГБ, находившихся по обе стороны разделявшей их баррикады. Приведенные в книге диалоги основаны на воспоминаниях одного или нескольких человек, присутствовавших при разговоре. Кроме того, мы взяли на

себя смелость воспроизвести несколько телеграмм ЦРУ. За исключением выдержки из одной телеграммы, это не подлинные шифровки ЦРУ, а «реконструкции». Однако с учетом того, что Милт Бирден на протяжении трех десятилетий службы в ЦРУ постоянно читал и писал такие телеграммы, эти «реконструкции» по стилю и по языку соответствуют реальным документам ЦРУ.

* * *

Авторы в большом долгу перед теми, кто участвовал в описываемых битвах. Многих пока еще нельзя назвать по именам, так как их деятельность еще не закончена; другие пожелали остаться неизвестными, и мы уважаем их желание. Но анонимность не уменьшает значения их вклада.

Мы также в неоплатном долгу перед нашим редактором из издательства «Рэндом хауз» несравненной Джой де Менил. «Главный противник» заряжен ее энергией и выверен благодаря ее проницательности.

Еще одним из самых горячих наших сторонников была наш литературный агент из компании «Янклоу и Несбит» Тайна Беннет, чей энтузиазм в отношении проекта был поистине безграничен.

Мы хотели бы высказать благодарность Джил Абрамсон, руководителю вашингтонского бюро «Нью-Йорк таймс», которая была нашим надежным другом на протяжении всех лет работы над «Главным противником».

Мы также хотели бы выразить признательность за помощь в исследовательской работе Барклаю Уолшу, руководителю исследовательской группы вашингтонского бюро «Нью-Йорк таймс».

К российскому читателю

«Главный противник» — это, прежде всего и по большей части, путешествие в мир шпионажа, каким его знали основные участники холодной войны. Мы хотели дать правдивую и непредвзятую картину деятельности разведчиков, тех, кто был на переднем крае одного из самых острых конфликтов второй половины XX века. Мы не ставили перед собой задачу разобраться в идеологических истоках великого противоборства двух политических систем: Соединенных Штатов Америки и Советского Союза, — или давать моральную оценку той роли, которую играли в этой борьбе КГБ и ЦРУ.

Но мы попытались дать международной читательской аудитории по возможности четкую картину событий, связанных с наиболее сенсационными разведывательными операциями той эры. Думаем, что именно русскому и американскому читателям будет особенно полезно понять не только природу поединка между КГБ и ЦРУ, длившегося полвека, но и мотивы основных игроков с той и другой стороны, потому что именно эти люди, представлявшие две сверхдержавы, были непосредственными участниками смертельной схватки, которой посвящена эта книга. Мы благодарим их за то, что они позволили нам рассказать их историю.

Теперь мы стоим перед новыми вызовами и уже прошли немалый путь, превращаясь из противников в сотрудничающих коллег. Начало этого процесса ознаменовалось примечательным тостом, предложенным генералом КГБ Юлием Кобяковым во время официальной встречи представителей спецслужб двух стран в Москве. Он сказал: «За мужчин и женщин нашей профессии, разведчиков и контрразведчиков, за тех, кто работает в поле, служит своему делу, хочется верить, профессионально и ответственно, и да поможет им Бог».

Сегодня такие чувства владеют нами более, чем когда-либо.

*Милтон Бирден
Джеймс Райзен*
Вашингтон, Округ Колумбия, США
Апрель 2004 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Год шпиона

1

Вашингтон. 13 июня 1985 года, 18:30

Бэртон Гербер¹ решил, что больше он ничего не может добавить. Он был уверен, что операция спланирована безупречно, как постановка хорошего балетмейстера. Сегодняшняя операция готовилась в условиях железной дисциплины, и он лично утвердил каждую деталь, каждый жест. Теперь, когда маршрут был выбран, он мог закрыть глаза и мысленно представить каждый перекресток.

Гербер знал Москву лучше любого американца и, находясь на другом конце света, в штаб-квартире ЦРУ, лично утверждал каждый поворот на проверочном маршруте оперативного работника от центра Москвы до ее унылых окраин. Он каждый вечер вместе с женой Розали посещал малоизвестные кинотеатры в отдаленных частях города, где редко бывали иностранцы. Гербер хорошо использовал свое знание русского языка и репутацию любителя кино. Считал, что хороший оперработник должен знать город, в котором работает.

Находясь в своем кабинете в Лэнгли, Гербер утвердил сценарий беседы, которая должна была состояться в конце проверочного маршрута. Десятиминутная встреча, являвшаяся единственной целью операции, должна была произойти в глубине жилого квартала сталинской застройки на Кастанаевской улице. Гербер также требовал, чтобы перед боевым выходом каждая операция тщательно репетировалась в тесном помещении резидентуры ЦРУ на пятом этаже посольства США в Москве².

¹ Бэртон Гербер – руководитель московской резидентуры ЦРУ в 1980–1982 годах. – *Прим. пер.*

² По данным бывшего руководителя Первого (американского) отдела Второго главного управления КГБ (контрразведка) генерал-майора Р.С. Красильникова, резидентура ЦРУ располагалась на седьмом этаже здания американского посольства на ул. Чайковского. См.: *Красильников Р. Призраки с улицы Чайковского. М., 1999. – Прим. пер.*

Выходец со Среднего Запада, невероятно тощий, настоящий иезуит во всем, что касалось работы, Гербер был одним из самых требовательных разведчиков, которых ЦРУ когда-либо направляло на борьбу против своего главного противника — КГБ. На протяжении последнего года Гербер возглавлял в ЦРУ Советский/Восточноевропейский отдел¹, и он добился результатов. Его неослабное внимание к деталям шпионского ремесла и нетерпимость к тем, кто не удовлетворял его требованиям, стали легендарными. Некоторые сотрудники считали его доносчиком, который «закладывал» своих подчиненных, но большинство уважало его за целеустремленность, преданность работе и, в старомодном понимании, своему долгу. Гербер был сложным человеком, вызывавшим противоречивые эмоции у тех, кто с ним работал. Ветераны советского отдела изучали его с таким же вниманием, с каким они изучали кремлевских лидеров. А как они должны были относиться к человеку, главным хобби которого было исследование проблем охраны поголовья диких волков, их кормления, ухода и т. п.?

В действительности Гербер был высокодуховным человеком, ревностным католиком, глубоко осознававшим свой моральный долг перед теми агентами из числа советских граждан, с которыми он и его сотрудники работали. Посещая церковь, он зажигал свечу по каждому из его агентов, выявленному и арестованному КГБ. Три года назад он возвратился из Москвы, где занимал пост резидента ЦРУ, и лучше, чем кто-либо другой в штаб-квартире ЦРУ, понимал опасности, связанные с проведением оперативной работы в странах советского блока. Он считал, что американские разведчики просто обязаны работать на высочайшем уровне, и если он повышал голос на тех, кто не отвечал этому стандарту, то это надо было воспринимать как должное. В шифропереписке между Москвой и Лэнгли часто велись ожесточенные споры между Гербером и резидентом Мюратором Натырбовым² относительно мельчайших деталей операций. В советском отделе поговаривали, что в Москве Натырбов не на своем месте, и было очевидно, что Гербер просто не верил в его способность сделать что-то как следует. Он, похоже, считал, что должен лично руководить операциями в Москве, и прорабатывал их столь тщательно, что некоторым казалось, что он никогда из Москвы и не уезжал.

¹ Таково полное название отдела. В дальнейшем, кроме тех случаев, когда необходимо указать его полное наименование, он будет называться «советским отделом». — *Прим. пер.*

² Натырбов (Натирбофф) Мюратор — руководитель московской резидентуры ЦРУ в 1984—1986 годах. — *Прим. пер.*

Однако жесткая пунктуальность, которая так необходима разведчику для успешной работы, уживалась в нем с доверчивостью и даже некоторым фатализмом. И вот, утвердив план ночной операции в Москве, он спокойно закрыл дверь своего кабинета на пятом этаже административного комплекса в Лэнгли и мысленно обратился к другим заботам.

В Вашингтоне была поздняя весна. День уже шел к концу, когда Гербер отправился домой. Он снимал квартиру в элегантном старом доме, расположенном в районе Калорама. В тот вечер он собирался после легкого ужина принять участие в тренировочных занятиях.

В тот самый момент, когда один из его работников будет двигаться по улицам Москвы к месту встречи с самым ценным агентом ЦРУ, Гербер будет наблюдать за практическими занятиями молодых стажеров ЦРУ, проводящих учебные операции на улицах Вашингтона. Лучше уделить больше внимания оперативной подготовке молодых работников, думал он, чем тратить время на шлифовку деталей операций, которые он уже не может контролировать. Гербер приказал себе успокоиться и заняться текущими делами.

Это были не совсем обычные практические занятия. Как и курс обучения в знаменитой военно-морской школе летчиков-истребителей «Топ ган», курс ЦРУ по «внутренним операциям» был самой сложной программой из тех, что были разработаны ЦРУ. Ее проходили только специально отобранные, «элитные», оперативные работники, готовившиеся для работы в Москве, Варшаве, Праге и других столицах советской империи. Считалось, что в этих заграничках их ожидала самая трудная работа из всего, чем занималось ЦРУ. Большая физическая и психологическая нагрузка, связанная с постоянной слежкой, угрозой провала и ареста, — все это означало, что «внутренняя работа» была делом молодых разведчиков.

После долгих поисков тактики противодействия плотной слежке московского КГБ Управление решило направлять в Москву некоторое количество молодых работников, «не засвеченных» во время предыдущих командировок. Поскольку делалась ставка на «необстрелянных» новичков, предъявлялись повышенные требования к их профессиональной подготовке в рамках курса «внутренних операций», или ВО. Необходимо было создать молодым сотрудникам условия, максимально приближенные к реальности. И при этом учитывать, что большинство из них никогда не встречались с враждебным противодействием, не говоря уже о профессиональных охотниках за шпионами из Второго и Седьмого главных управлений КГБ.

Руководителем программы ВО был имевший большой опыт работы по советским объектам, «крутой» бывший морской пехотинец Джек Платт. Его шестинедельный курс предусматривал игру по «московским правилам». Молодые разведчики должны были в условиях Вашингтона передавать сообщения «агентам» и получать от них документы, находясь под наблюдением, которое вели за ними бригады работников ФБР, выступавшие в роли вражеской контрразведки. Агенты ФБР действовали жестко, потому что это помогало им самим готовиться к слежке за настоящими советскими шпионами. И все же наиболее хорошо подготовленные работники ЦРУ могли «переиграть» ФБР, часто за счет применения современной электронной техники, такой как быстродействующие радиопередатчики, позволявшие им передавать сообщения без вступления с агентом в личный контакт.

Но у ФБР тоже были наготове сюрпризы. Порой стажеры, иногда вместе с женами, выходили на операцию, представляющую им рутинной, но попадали в засаду. Жесткий арест, который проводили работники ФБР под предлогом подозрения в торговле наркотиками, выглядел очень правдоподобно и, на первый взгляд, не имел ничего общего с курсом «внутренних операций». После нескольких часов допросов только самые волевые стажеры ЦРУ могли скрыть свою связь с Управлением. Другие чаще всего пытались выкрутиться с помощью ссылок на то, что тут произошла какая-то страшная ошибка. «Послушайте, я стоял на том пустынном перекрестке с женщиной, которая, кстати, является моей женой, не потому, что я занимаюсь торговлей наркотиками — это было частью практических занятий ЦРУ».

В тот вечер Гербер пригласил на ужин Джима Олсона, с которым когда-то работал в Москве. После трапезы оба собирались поехать на практические занятия с молодыми работниками. Олсон, руководивший «внутренними операциями» по Советскому Союзу, приобрел в Москве очень хороший опыт и теперь был одним из самых доверенных помощников Гербера. Однако когда Олсон пришел на квартиру к Герберу, он принес ошеломляющую новость: в Москве арестован Пол Стомбау¹.

Это был удар в солнечное сплетение. Гербер мгновенно понял, что означает арест Стомбау: самый ценный за последние 25 лет агент ЦРУ арестован КГБ — Адольф Толкачёв, агент под кодовым

¹ Стомбау Пол — разведчик «глубокого прикрытия» московской резидентуры ЦРУ в 1984–1985 годах. Задержан с поличным советской контрразведкой при выходе на встречу с агентом ЦРУ Толкачёвым и выдворен из СССР. — *Прим. пер.*

обозначением «GT-Vanquish»¹, ценность которого в буквальном смысле слова равнялась миллиарду долларов и с которым должен был встретиться Стомбау, провалился.

Обычно при успешном проведении операции в Москве, когда удавалось уйти от слежки КГБ, Лэнгли узнавало об этом лишь на следующее утро. Чтобы не дать КГБ возможности понять, что имела место важная операция, разведчики после важных вечерних мероприятий просто пропадали из вида и появлялись на работе в посольстве только следующим утром. Таким образом, только придя на работу на следующий день, разведчик мог подробно информировать свое руководство о проведенной операции, пока расшифровывалась магнитная запись его беседы с агентом.

Только после этого в Лэнгли отправлялась серия шифровок с подробным описанием хода проведенной накануне операции. Это вызывало прилив адреналина, и весь следующий день работники советского отдела, связанные с этим делом, ходили под впечатлением успешно осуществленной операции. Еще через несколько дней дипломатической почтой приходила магнитная запись беседы, и, прослушивая ее, руководители отдела могли сами почувствовать напряжение, которым сопровождалась встреча в далекой Москве. Они могли попытаться представить настроение агентов, большинство из которых они никогда не встречали, а также оценить работу разведчика, старающегося обсуждать нужные вопросы и в то же время контролировать обстановку в поисках признаков слежки КГБ.

Проходило некоторое время, прежде чем система доносила информацию об успехе. Но известия о провалах приходили быстро. Лаконичная телеграмма рождалась в Москве поздно ночью и, обгоняя солнце, приходила в Вашингтон рано вечером. Первый тревожный сигнал мог поступить от жены разведчика, сообщившей, что ее муж вовремя не вернулся домой. Через несколько часов приходило подтверждение, что разведчик арестован, и работник консульского отдела посольства отправлялся на Лубянку,

¹ В псевдонимах (криптонимах), которые ЦРУ дает своим агентам, первые две буквы – так называемый диграф – обозначают страну, на которую направлена данная операция. В рассматриваемый период агентура советского отдела имела диграф «GT». Следующее за диграфом слово является собственным псевдонимом, который выбирается компьютером и в большинстве случаев никак не связан с личностью агента или какими-то другими его данными. В случае Толкачёва доставшийся ему псевдоним «Вэнквиш» является глаголом, означающим «побеждать», «покорять», «завоевывать». Переводить псевдонимы на русский язык нет смысла, и далее они будут приводиться в русской транслитерации. – *Прим. пер.*